

ФМ 1889 № 4, с. 156-166

Трех сынов. Врети.

Я. Успенский (Об Ивасове)

В послед. редакции под загл. "Июльское сердце"

платились деньги только за механической трудъ: банкъ, счетное отдѣленіе въ желѣзно-дорожномъ управленіи, статистическій комитетъ, — словомъ, такія мѣста, гдѣ главную роль играютъ счеты, записываніе цифръ и возможность совершенно свободно размышлять о томъ, что изъ этихъ цифръ вышло, хотя размышлять и *молча*. Что-жь? молча можно съ полнымъ безпристрастіемъ и неустрашимостью раскритиковать или разоблачить какую-нибудь плутоватую цифру и, благодаря этому, можно не продавать за чечевичную похлебку своихъ взглядовъ и убѣжденій. Частицу *не* и здѣсь, разумѣется, поставятъ тамъ, гдѣ найдутъ выгоднымъ и нужнымъ, но это сдѣлаютъ уже люди высшаго калибра, руководители тѣхъ или другихъ финансовыхъ предпріятій; механической работникъ-счетоводъ тутъ не причемъ, и опять-таки, хотя *молча*, но можетъ сберечь въ себѣ протестующую мысль. И точно, если даже теперь, при полномъ, повидимому, разъединеніи старыхъ товарищей, забредеть къ кому-нибудь изъ нихъ письмо, также отъ какого-нибудь стараго товарища, но во сто разъ болѣе, чѣмъ они, несчастнаго, всѣ они не отложить въ дальній ящикъ дѣла о помощи или хлопотъ по инымъ его просьбамъ, и сдѣлаютъ все, что нужно, все, что возможно въ ихъ положеніи.

Но съ годами и эта возможность «ожить» въ какомъ-нибудь сочувственномъ дѣлѣ стала все болѣе и болѣе уменьшаться и то, что въ нихъ осталось истинно хорошаго, непроданнаго за хлѣбъ и неизмѣннаго, — все это большею частью практиковалось только въ узкихъ предѣлахъ собственной семьи. Семьи ихъ, большею частью сложившіяся уже не въ молодыхъ годахъ, послѣ многочисленныхъ и трудныхъ испытаній, передрягъ, страданій, въ большинствѣ случаевъ, возникали изъ строго обдуманыхъ основаній, и искра взаимной любви береглась поэтому измученными прежнею жизнью мужемъ и женой свято и безукоризненно. Такія семьи тщательно берегутъ сознательность во всѣхъ отношеніяхъ жизни въ своемъ углу, берегутъ личную самостоятельность другъ друга, берегутъ чуткую совѣсть своихъ маленькихъ дѣтой, горячо тревожатся объ ихъ совѣсти, а еще больше — объ ихъ участи. И тѣ изъ случайно встрѣтившихся старыхъ товарищей, кому Богъ далъ устроить, наконецъ, себѣ «тихое пристанище» какъ въ заработкѣ, такъ и въ семьѣ, и которые по совѣсти рѣшили, что теперь единственное и существенное ихъ дѣло — «семья» и «дѣти», — всѣмъ имъ, при ихъ случайной встрѣчѣ, конечно, прежде всего хотѣлось говорить о семьѣ, о дѣтяхъ, но ихъ прошлое само собой заградило путь къ этой искреннѣйшей бесѣдѣ, оно сразу напомнило о томъ, «какіе

они были», оно напомнило объ этомъ ихъ виѣшностью (сѣдиной, а то и лысиной), ихъ тенерешнимъ положеніемъ, удовольствіемъ жить «въ тихомъ пристанищѣ». Прошлое припомнилось въ тяжкихъ воспоминаніяхъ, оно вызывало въ ихъ памяти гораздо больше чернаго, чѣмъ бѣлаго, — и вотъ почему, несмотря на шумъ собесѣдниковъ, неизбежный при случайной встрѣчѣ старыхъ знакомыхъ, разговоръ этотъ не былъ оживленъ и не судилъ оживленія.

Къ счастью ихъ, неожиданно нашлась была весьма благодарная тема для общаго разговора; нѣкоторые изъ этихъ старыхъ товарищей, а нынѣ податныхъ инспекторовъ, чиновниковъ при крестьянскихъ банкахъ, служащихъ въ желѣзно-дорожныхъ управленіяхъ и т. д., пользуясь отпускомъ въ Петербургъ, не преминули побывать и въ театрѣ, видѣли драму г. Чехова *Ивановъ*, и такъ какъ о ней много говорили, то и они нашли возможнымъ по поводу нея коснуться вообще состоянія «современнаго общества». Не растревоживая, такимъ образомъ, личныхъ воспоминаній своего прошлаго, они получили возможность высказать то, что въ своихъ банкахъ и управленіяхъ они *молча* думали о настоящемъ. И первое время разговоръ на эту тему какъ будто бы и дѣйствительно оживился.

— Ловко онъ схватилъ все это безобразіе! Отлично!

— Живо, вѣрно, чудесно! — слышалось съ разныхъ сторонъ.

А желѣзно-дорожный служащій, по фамиліи Усачовъ, немало уже охмѣлѣвшій, задумалъ было придать разговору шутовское направленіе и тономъ легкой насмѣшки сказалъ черезъ весь столъ растолстѣвшему статистику Кондратьеву:

— А? Михаилъ Петровъ? А? братъ? До чего мы дожили-то? Михаилъ Петровъ?... Слышишь, что-ль?

— Слышу, слышу, — отвѣчалъ ему Кондратьевъ, — что такое? До чего дожили?

— «Давай съ тобой кувыраться!» Помнишь, въ первомъ дѣйствіи, а?

— Что такое? — въ недоумѣніи отозвался было и податной инспекторъ Гавриловъ, больше всѣхъ посѣдѣвшій, но меньше всѣхъ прикасавшійся къ стакану. — Кто? что?...

— Умнѣйшая, братецъ ты мой, женщина! — иронизируя и соболѣзнуя, продолжалъ Усачовъ. — Женщина, которая изъ-за убѣжденія — понимаешь ли? — изъ-за извѣстныхъ цѣлей, конечно, высшихъ, перемѣнила вѣру, бросила семью, состояніе, пошла за человекомъ принципа... И теперь, въ наши времена, до того все это въ ней изсякло, что она этому самому Иванову, мужу, предлагаетъ

иногда *отъ скуки* кувыряться! «Вели принести сѣна и давай съ тобой кувыряться!» А? Это Сарра - то, которая шла на подвигъ! И, вѣдь, когда ей въ голову-то пришло? Вѣдь, передъ смертью, вѣдь, она умирала уже! Каковъ успѣхъ-то? А ну-ко и мы съ тобой такъ-то... помремъ кувыркомъ?... Вѣдь, доживаютъ люди! Почему-жь мы-то? Развѣ наша жизнь умнѣе?

Но шутливая рѣчь Усачова не имѣла успѣха. Растолстѣвшій статистикъ омрачилъ ее и тономъ рѣчи, и самою рѣчью.

— Нѣтъ, другъ любезный! — сказала довольно сурово Михаилъ Петровичъ Усачову, — дожили, дѣйствительно, дожили до такого безобразія, какое представлено въ драмѣ г. Чехова, — это вѣрно! — но какіе-такіе люди дожили до такого состоянія — этого я, кажется, не понимаю; я даже вотъ что тебѣ скажу: объяснять причины такого бессмысленнаго существованія извѣстной части общества тѣмъ, что нѣкоторые изъ этихъ страдальцевъ погибаютъ отъ слишкомъ напряженной общественной дѣятельности, — это значить съ больной головы переносить вину на здоровую...

— Это, братъ Михайло, вѣрно! — все болѣе и болѣе смягчаясь, благодаря постоянно пополняемому стакану, уже почти лепеталъ Усачовъ. — Вѣрно, Миша! Не присвоивай чужаго имущества!

— Погибъ и развалился въ дребезги, превратился въ прахъ отъ слишкомъ напряженной дѣятельности! — уже съ нѣкоторымъ негодованіемъ въ голосѣ продолжалъ Михаилъ Петровичъ. — Слишкомъ страстно предался, видите ли, устройству школъ какихъ-то, вѣроятно, ссудо-сберегательныхъ товариществъ, — словомъ, изорвался въ любви къ ближнему до того, что, будучи земскимъ гласнымъ, не можетъ ѣхать въ собраніе, а предпочитаетъ отдохнуть отъ своихъ ужаснѣйшихъ разочарованій, все-таки, при ней... И, вѣдь, читаетъ совѣты: не женитесь на женщинахъ съ убѣжденіемъ, не суйте въ реформы, — все это прахъ, все это доводитъ до бессмысленнаго состоянія. И газеты то же твердятъ: «Вотъ что означаютъ «реформы»! Пора всѣ эти бредни выкинуть изъ головы! Заблужденіе погубило! Самопожертвованіе довело до бессмыслицы!»

— И, вѣдь, всего только «годъ тому назадъ» Ивановъ былъ «поглощенъ» кипучею дѣятельностью! *) — съ тонкою насмѣшкой

*) Изъ драмы *Ивановъ*... „Если когда-нибудь въ жизни тебѣ встрѣтится молодой человекъ, горячій, искренній, неглупый, и ты увидишь, что онъ любитъ, ненавидитъ и вѣрить не такъ, какъ всѣ, работаетъ и надѣется за десятирхъ, сражается съ мельницами, бьется лбомъ о стѣны, если увидишь, что онъ взвалилъ на себя ношу, отъ которой хруститъ спина и тянутся жилы, то скажи ему: не спѣши расходовать свои силы на одну только молодость, побереги ихъ для всей жизни; пьянѣй, возбуждайся, работай, но знай мѣру, иначе жестоко накажетъ тебя судьба!“ (Дѣйствіе IV, явл. IX).

проговорилъ «служащій въ крестьянскомъ банкѣ», все время неразговорчивый, но не скучный и внимательный слушатель.

— Да!—разсердился уже совсѣмъ Михаилъ Петровичъ. — «Я, — говорилъ Ивановъ, — годъ тому назадъ былъ необыкновенно оживленъ дѣятельностью» *). А Сарра считаетъ не годъ назадъ, а три года. «Три года назадъ, — говоритъ, — онъ былъ совсѣмъ другой!»... Числа-то даже позабыли! Нѣтъ, ужь, пожалуйста, объясните эти безобразія какъ-нибудь по-иному!

И вслѣдъ затѣмъ началась скучная и томительная рѣчь и именно объ этихъ безобразіяхъ жизни. Оживленная бесѣда положительно не удавалась; это чувствовали всѣ, и всѣ думали, какъ бы перебить разговоръ; но «служащій въ крестьянскомъ банкѣ» неожиданно перенесъ разговоръ о современномъ обществѣ въ такую таинственную область, что даже и скучные разговоры изсякли, замерли и слушатели были почти окончательно помрачены.

— Дѣйствительно, — началъ почти профессорскимъ тономъ «служащій въ крестьянскомъ банкѣ», — есть цѣлые слои общества, которые живутъ такъ же бессознательно, какъ и всѣ дѣйствующія лица драмы *Ивановъ*. То, что они не страдаютъ за общее дѣло, — это вѣрно; но вѣрно, что это и не пустяки, и что ихъ жизнь, повидимому, такая пустоопорожняя, заслуживаетъ глубочайшаго вниманія!...

«Служащій въ крестьянскомъ банкѣ» сказалъ это съ такимъ таинственнымъ выраженіемъ лица, что собесѣдники совершенно замолкли, и только Усачовъ нашель въ себѣ храбрость спросить:

— То-есть?

Къ всеобщему удивленію, «служащій» тотчасъ же объяснилъ свои тайныя мысли еще болѣе неожиданными для собесѣдниковъ и ужь рѣшительно загадочными соображеніями.

— Жизнь этихъ людей—это жизнь... въ гипнотическомъ снѣ!

Этихъ страшныхъ словъ было совершенно достаточно для того, чтобы даже Усачовъ окончательно замолкъ и забылъ про то, что надо долить стаканъ. Но ораторъ, убѣдившись, что все общество находится въ столбнякѣ, нашель этотъ моментъ весьма удобнымъ для того, чтобы прочитать сотоварищамъ цѣлую лекцію о гипнотиз-

*) Дѣйствіе III, явл. VI: «...Еще года нѣтъ, какъ былъ здоровъ и силенъ, былъ бодръ, неутомимъ, горячъ, работалъ этими самыми руками, говорилъ такъ, что трогалъ до слезъ даже невѣжды, умѣлъ плакать, когда видѣлъ горе, возмущался, когда встречалъ зло. Я зналъ, что такое вдохновеніе, зналъ прелесть и поэзію такихъ ночей, когда отъ зари до зари сидишь за рабочимъ столомъ или тѣшишь свой умъ мечтами. Я вѣровалъ, въ будущее глядѣлъ, какъ въ глаза родной матери... А теперь, о Боже! утомился» и т. д.

мѣ, тянувшуюся не менѣе, какъ полтора часа. Пересказывая все, что происходило на этомъ товарищескомъ вечерѣ, я никакъ не могу пропустить и этой длиннѣйшей лекціи, но постараюсь пересказать ее въ самомъ краткомъ видѣ.

Прежде всего, онъ обратилъ общее вниманіе на *свойство* и *качество* гипнотическаго сна. Такой ли это сонъ, какимъ спитъ дворникъ Егоръ, сидя зимой у воротъ? Всякому извѣстно, что не только приказаніе или «внушеніе»: «Егоръ, отвори!» — не дѣйствуетъ на Егора, спящаго у воротъ, но что если и палкой его потолкать и даже за воротникъ шубы потрясти довольно энергически, да, притомъ же, непристойно повторять во всеуслышаніе всей улицы: «Егоръ, отвори!» — и то Егоръ не послушаетъ этихъ внушеній и будетъ спать до тѣхъ поръ, покуда не будетъ приподнятъ за тотъ же воротникъ усиліями обѣихъ рукъ воиющаго къ нему человѣка. Такимъ образомъ, ни внушеніе словесное, ни внушеніе помощью прикосновенія палкой къ плечу или рукой къ воротнику, — ничто не дѣйствуетъ на Егора, если онъ спитъ настоящимъ сномъ. Не такъ спитъ субъектъ загипнотизированный. Онъ засыпаетъ не по требованію всего организма, не исключая и желающаго отдохнуть *сознанія*, а именно только однимъ *сознаніемъ*. Желая довести человѣка до гипнотическаго сна, стараются удалить изъ всего многосложнаго механизма, называемаго *человѣкомъ*, только *одного этого хозяина*, повелителя надъ всѣмъ этимъ огромнымъ хозяйствомъ, именуемымъ *человѣческой жизнью*, и дѣйствуютъ при этомъ именно такъ, чтобы *сознательная дѣятельность* хозяина и повелителя сошла на нуль, сосредоточилась на *безсмыслицѣ*, на *пустякѣ*, отъ которыхъ хозяинъ уходилъ, не понимая ее: показываютъ свѣтящуюся точку, «сосредоточиваютъ» вниманіе на *кольцѣ*, на *каменѣ* въ *перстнѣ*, просятъ *ни о чемъ не думать*, кромѣ предлагаемой безсмыслицы. Сознанію нечего дѣлать съ безсмыслицей и оно уходитъ; тогда *человѣку*, у котораго уже *нѣтъ царя въ головѣ*, говорятъ: «*спи!*» — и онъ остается въ ту же секунду *вполнѣ безъ малѣйшаго сознанія самого себя*; но организмъ его *вовсе не спитъ*: онъ видитъ, слышитъ, ходитъ и дѣлаетъ все, что ему *прикажетъ* — уже не собственный его хозяинъ, *царь его собственной головы*, а всякій чуждый ему хозяинъ, всякая чужая воля и мысль; его живое безсознательное тѣло, его живой, но безъ царя въ головѣ, организмъ воспринимаетъ безпрекословно всевозможныя не отъ него идущія впечатлѣнія. Ему говорятъ о стулѣ, что это преступникъ, котораго надо убить, и даютъ ему для этого сигару, приказавъ видѣть въ ней кинжалъ. И точно: въ стулѣ онъ

видитъ убійцу, въ сигарѣ—кинжалъ и убиваетъ имъ преступника. Онъ дрожитъ отъ холода, когда ему внушаютъ, что онъ на льдинѣ въ Ледовитомъ океанѣ, и потъ льетъ съ него градомъ, когда внушаютъ, что онъ на экваторѣ. Не только впечатлѣнія слова воспринимаются этимъ живымъ трупомъ въ безукоризненной точности, согласно внушенію, но этотъ дивный механизмъ, эта невообразимо-сложная, божественная тайна, эта непостижимая тайна «премудрости» откликается и на неосвязаемая велѣнія тайнъ мірозданія: магнитъ, коснувшись этого живаго трупа сѣвернымъ полюсомъ, коверкаетъ его въ страшныхъ судорогахъ, тогда какъ прикосновеніе южнаго полюса разливаетъ во всемъ его организмѣ ощущеніе чего-то необычайно радостнаго и пріятнаго. Нельзя себѣ вообразить, для какаго безграничнаго обилія воспріятія и отраженія впечатлѣній, идущихъ изъ совокупности тайнъ всего мірозданія, способна и создана эта божественная загадка. («А за недоимку-то деруть!» — не утерпѣлъ Усачовъ). Но такъ какъ внушенія идутъ отъ людей, не спящихъ обыкновеннымъ человѣческимъ сознаниемъ, т. - е. не блещутъ какими-нибудь требованіями, превышающими обыденныя требованія жизни, — то опыты на практикѣ доказываютъ съ полною ясностью только то, что «человѣкъ *безъ царя въ головѣ*» живетъ тѣми впечатлѣніями, которыя идутъ къ нему со стороны, и по внушенію тѣхъ, кто ему приказываетъ и внушаетъ. Но вотъ этому рабу виѣшнихъ впечатлѣній говорятъ: «проснись!» Теперь онъ опять съ царемъ въ головѣ, теперь онъ видитъ стулъ, а не преступника, теперь его нельзя заставить убить, заставить украсть, теперь онъ скажетъ: «не хочу!» «глупо!» «подло!», теперь его хозяинъ, царь, царствующій надъ всѣмъ достояніемъ его естества, оберегаетъ свое право сопротивленія виѣшнимъ впечатлѣніямъ, отгоняетъ инныя изъ нихъ, другія беретъ, хранитъ, бережетъ. Теперь ни сѣверный, ни южный полюсы магнита не развешаютъ и не сокрушаютъ это царское добро: сознание сторожитъ враговъ, не противится друзьямъ, теперь оно *знаетъ*, когда и почему нельзя не страдать, не рыдать или не смѣяться. Эти опыты сна *сознанія* непреложно говорятъ, что человѣкъ именно въ немъ, т. - е. только въ этомъ сознаниі, что въ немъ его сила, смыслъ, въ немъ его величіе, что только въ немъ источникъ смысла жизни человѣческой. Но бываютъ минуты, когда правамъ сознанія обрѣзаны крылья, когда хозяинъ божественнаго механизма почти бросаетъ хозяйство, и тогда живой трупъ начинаетъ жить не сознаниемъ впечатлѣній, а *ощущеніемъ* впечатлѣній... Люди, изображенные г. Чеховымъ, живутъ только *ощущеніями*. Они выросли и жили именно въ то

время, когда сознательная жизнь все убывала и убывала въ своихъ размѣрахъ.

Нѣкоторое время вся компанія находилась какъ бы въ самомъ непробудномъ гипнотическомъ снѣ. Но когда «служащій» замолкъ и, находясь нѣсколько въ возбужденномъ состояніи, налилъ себѣ стаканъ вина, то сотоварищи какъ бы проснулись, вспомнивъ, что и они забыли про свои стаканы, — и скоро, пробужденные отъ сна, шумно стали сообщать собственные свои коментаріи на эту лекцію.

— Помилуйте! — вопіялъ кто-то, покрывая всѣ голоса, — все снято съ плечъ, все! Никто ни въ чемъ не виновать!

— Если бы «хозяинъ» въ моей головѣ жилъ, какъ подобаетъ хозяину, принимая одно, отвергая другое, я бы жилъ, я бы отстранялъ, боролся съ тѣмъ, что мой хозяинъ не принималъ, отвергалъ. Въ этомъ и жизнь!

— Теперь магнитъ дѣйствуетъ: пришелъ къ Иванову южный полюсъ, въ амазонкѣ, — и развеселилъ, а тарелка съ объѣдками на письменномъ столѣ разсердила и огорчила.

— А жена-то взбѣсила? Сѣверный полюсъ! Точь-въ-точь какъ сѣверный полюсъ судороги производитъ... Та, южный-то полюсъ, весела, какъ лягавая... что я? — какъ ласточка... а эта умираетъ! отъ нея несетъ смертью! Ну, и исковеркало судорогами!...

— И смѣютъ валить на страстность въ трудѣ «для общества?» — почти съ ожесточеніемъ уже гремѣлъ Михаилъ Петровичъ. — Это «жертвы ошибки» жить во имя общаго счастья? Да развѣ дѣйствительныя страданія человѣка могутъ привести къ обращенію жить? Можно и чахнуть, но не потерять сознанія!

И затѣмъ Михаилъ Петровичъ сталъ рисовать картину страданій людей своего поколѣнія. Не замедлили присоединиться къ нему и другіе товарищи съ своими воспоминаніями, но, начавъ рѣчь о томъ, что убѣжденіе не гаснетъ въ самыхъ тяжкихъ препятствіяхъ, идущихъ ему наперерѣзъ, незамѣтно стали припоминать только одни препятствія. Общая картина невознаградимыхъ страданій, вмѣстѣ съ тягостными картинами жизни, о которыхъ шла рѣчь, благодаря драмѣ г. Чехова, положительно привела всѣхъ опять въ самое тяжелое душевное настроеніе. Стали пить мрачно, говорить злобныя рѣчи.

Вотъ тутъ-то податному инспектору и стало «не въ могуту».

Показалось ему, что изъ рѣчей собесѣдниковъ оказывается, будто ужъ и свѣту ни откуда не видно, но онъ чувствовалъ, что это какъ будто не такъ.

И вдругъ онъ вспомнилъ Анну Петровну.

— Да что вы, господа, воете? Чего вы мраку-то напускаете? Да развѣ ваши страданія пропали даромъ? Развѣ на Руси изсякъ живой человѣкъ? Да я вамъ тысячи примѣровъ... Да вонъ у насъ есть акушерка Анна Петровна... тоже *Иванова*...

И съ искреннею радостью рассказалъ про то, что намъ уже извѣстно.

Точно гора свалилась съ плечъ у всѣхъ собесѣдниковъ. Вспомнилась свѣтлая сторона трудныхъ временъ, тяжкая жизнь, согрѣтая горячимъ желаніемъ относиться къ ближнему подлинно, такъ же, какъ къ самому себѣ, и все, что оставалось въ ихъ сердцахъ живаго и нетлѣннаго, все вышло на бѣлый свѣтъ и широко распахнулось.

— Дамы обижаются!—вопіяли лакеи.

— Михайло! — гнѣвался буфетчикъ, — скажи имъ! Что это такое?

— Не слушаютъ, Иванъ Матвѣичъ!

Около шести часовъ утра на Большой Морской слышны были даже возгласы:

— Городовой!...

Но, въ концѣ-концовъ, этотъ неожиданно сдѣлавшійся пріятнымъ вечеръ никто изъ сотоварищей, — опять развѣхавшихся и разъединившихся по своимъ «мѣстамъ», — никогда не забудетъ.

Такъ вотъ что натворила эта Анна-то Петровна Иванова!

Глѣбъ Успенскій.